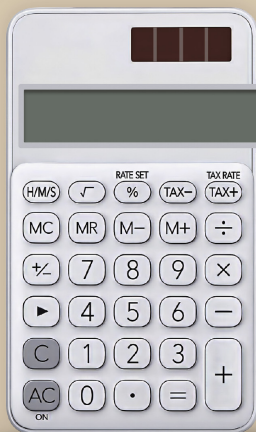

АРГУМЕНТЫ ПРОТИВ ЧРЕЗМЕРНОГО БОГАТСТВА

Ингрид Робейнс

Неоспоримые доводы и доказательства в пользу лимитаризма — идеи о том, что мы должны установить предел объемам ресурсов, которыми может владеть один человек.

Томас Пикетти, автор книги
«Капитал в XXI веке»

Беспощадная критика этических, нравственных и финансовых последствий неограниченного накопления богатства.

Kirkus Reviews

Ингрид Робейнс

Аргументы против чрезмерного богатства

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74199461

Робейнс Ингрид. Аргументы против чрезмерного богатства: Синдбад;

Москва; 2026

ISBN 9785001317425

Аннотация

В последние десятилетия все статистические данные и результаты научных исследований демонстрируют наличие очень тревожного явления: пропасть между богатыми и бедными продолжает расти. Небольшая группа сверхбогатых становится все богаче, дистанция между ними и всеми остальными все увеличивается.

В этой книге философ и экономист Ингрид Робейнс показывает реальные масштабы проблемы личного сверхбогатства, вышедшей в последние пятьдесят лет из-под контроля общества, и убедительно доказывает, что с моральной, политической, экономической, социальной, экологической и психологической точек зрения чрезмерное личное богатство не только неоправданно, но и вредно для всех нас, включая богатых. Сверхбогатство представляет собой реальную опасность

для демократии и является серьезным препятствием на пути к стабильному устойчивому будущему.

Вместо существующей системы Робейнс предлагает лимитаризм – концепцию, предусматривающую установление жестких ограничений на размеры богатства, которым может обладать один человек. Это позволило бы решить многие из порожденных неолиберальным капитализмом проблем и обеспечило возможность более справедливого мироустройства.

Содержание

Введение	6
1	36
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Ингрид Робейнс Аргументы против чрезмерного богатства

Ingrid Robeyns

Limitarianism

Copyright © 2024 by Ingrid Robeyns

This edition published by arrangement with United
Agents LLP and The Van Lear Agency LLC

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd.,
2026

© Издание на русском языке, перевод на русский
язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2026

Посвящается всем борцам с несправедливостью

Введение

Каждый год газета *Sunday Times* публикует свой «список богачей», ранжируя самых состоятельных людей Великобритании. В 2021 году на первом месте оказался сэр Леонард Блаватник. Его состояние, по сообщению газеты, оценивалось в 23 миллиарда фунтов стерлингов. Это огромная сумма. Но насколько она огромна? На самом деле большинство из нас даже не способно осознать, насколько это много, — просто потому, что такие цифры значительно превосходят все наши представления о богатстве. Нам не с чем сравнивать. Если приписать к этой сумме нолик или, наоборот, нолик убрать, мы вряд ли заметим разницу. Возможно, даже сами сверхбогатые уже не понимают, что стоит за этими гигантскими числами, хотя и могут с их помощью сравнить свое богатство с чужим.

Поэтому давайте попытаемся представить 23 миллиарда фунтов в более понятном виде. Предположим, вы работаете по 50 часов в неделю с 20 до 65 лет — неделя за неделей, год за годом. Сколько вы должны зарабатывать в час, чтобы в итоге накопить 23 миллиарда? Ответ — 196 581 фунт стерлингов в час на протяжении 45 лет. При такой ставке вы могли бы каждый день покупать по трехкомнатной квартире в центре Лондона.

Конечно, за долгие годы список *Sunday Times* претерпе-

вал изменения. Например, уже в 2022 году Блаватник потерял около трех миллиардов фунтов и опустился на четвертое место. В тот год в лидеры выбились братья Шри и Гопи Хиндуджа и их семьи, чье суммарное богатство, по данным газеты, составило 28,5 миллиарда фунтов. У вас может возникнуть справедливый вопрос: кому какое дело до того, что Блаватника сместили с первой позиции? Для тех, кто пытается осмыслить феномен чрезмерного богатства, нет никакой разницы между первым и вторым местами. Важен лишь порядок сумм. Все, что нам нужно знать, – в последние пять лет каждый из десяти самых богатых британских миллиардеров обладал состоянием не менее чем в 10 миллиардов фунтов, что эквивалентно примерно десяти тысячам квартир в центре Лондона. Десять тысяч трехкомнатных квартир!

Если не ограничиваться Великобританией, то наши подсчеты могут дать еще более впечатляющие результаты. В 2022 году Илон Маск, владелец *Tesla* и *SpaceX*, возглавил список миллиардеров по версии американского делового журнала *Forbes*¹. На тот момент активы Маска оценивались в 219 миллиардов долларов. Возникает тот же вопрос:

¹ Список *Sunday Times* публикуется ежегодно в середине мая. Список *Forbes* публикуется, как правило, в начале апреля на основании данных, полученных в марте. Актуальный список можно найти на сайте <https://www.forbes.com/billionaires>. Помимо этого, *Forbes* ежедневно обновляет примерные оценки состояний миллиардеров со всего мира в «списке миллиардеров в реальном времени» – см.: <https://www.forbes.com/real-time-billionaires>. Все данные о миллиардерах, приведенные в этой книге, взяты из списков *Forbes*, за исключением тех случаев, когда указаны другие источники.

какой должна быть почасовая оплата, чтобы мы могли накопить такую сумму? Ответ – 1 871 794 доллара в час. *Почти два миллиона долларов в час.* Каждый рабочий час на протяжении сорока пяти лет.

В *Forbes* нам сразу же указали бы на то, что состояние миллиардеров может резко уменьшиться за очень короткий срок. После того как в октябре 2022 года Илон Маск купил компанию *Twitter* за невероятные 44 миллиарда долларов, акции *Tesla* потеряли более трети своей стоимости, а состояние Маска, по оценкам, сократилось почти на 20% и составило всего 180 миллиардов долларов. Следующей весной на первое место в списке *Forbes* вышел француз Бернар Арно (владелец люксовых брендов *Louis Vuitton*, *Christian Dior* и *Tiffany*): за 2022 год его состояние выросло на 53 миллиарда и достигло 211 миллиардов долларов.

Бернара Арно, Илона Маска, Джеффа Безоса и других миллиардеров, возглавляющих мировой список сверхбогатых, можно счесть исключениями. В каком-то смысле так и есть. Но уму непостижимыми суммами владеют не только лидеры рейтинга: в 2022 году в список *Forbes* входило 2668 миллиардеров, чье совокупное состояние оценивалось в 12 700 000 000 000 долларов. У вас тоже, как и у меня, перед глазами заплесали нули? Это потому, что мы не способны вообразить себе такие числа. Словами это можно записать так: двенадцать тысяч семьсот миллиардов долларов. Таким образом, в среднем стоимость активов одного милли-

ардера составляла 4,75 миллиарда долларов. И если мы зададимся все тем же вопросом – по какой часовой ставке нужно работать, чтобы столько накопить, – то получим ответ: 40 598 долларов в час. Многие американские семьи зарабатывают такую сумму за год.

И это только вершина айсберга. Миллиард – это тысяча миллионов, а мультимиллионеров в мире намного больше, чем миллиардеров. Если у вас есть пятьдесят миллионов долларов, фунтов или евро, то вы, хоть и не купите *Twitter* и не полетите в космос, все же имеете достаточно денег, чтобы не беспокоиться о своей финансовой безопасности, – и еще немного сверх того.

Мне долгое время казалось неправильным, что отдельно взятый человек может сосредоточить в своих руках так много денег, но я никак не могла четко сформулировать причины своих сомнений. Меня не устраивали общие объяснения о том, что в росте неравенства виноват капитализм, – как будто капитализм неподконтролен людям и действует по собственной воле. В 2011 году я заинтересовалась протестами движения *Оссиру* по следам финансового кризиса 2008 года: меня не покидало чувство, что активисты гораздо раньше большинства ученых поняли, что в концентрации богатства в руках горстки людей есть что-то глубоко неправильное. Хотя движение *Оссиру* и не преуспело, его деятельность привлекла внимание общества к проблеме неравен-

ства богатства. «Нас девяносто девять процентов», – заявляли активисты, тем самым давая людям понять, что оставшийся один процент и создает всем нам проблемы².

И в 2012 году я решила применить свои профессиональные знания в области философии и экономики, чтобы ответить на вопрос: может ли человек быть *слишком богатым*? Мне предстояло дать определение «чрезмерному богатству» и сформулировать причины, по которым иметь слишком много денег может быть чем-то плохим, – разумеется, если это вообще так. В конце концов, могло оказаться, что все аргументы против накопления богатства – ложные. Я понимала, что могу ошибаться и что в обладании миллионами и даже миллиардами на банковских счетах нет ничего дурного. Я просто хотела разобраться.

Некоторые мои коллеги – профессора философии, экономики и смежных дисциплин – поначалу удивлялись тому, что я решила заняться этой проблемой. Одни считали, что неравенство вторично по отношению к бедности. Другие списывали мое внимание к богатым на банальную зависть. Это была отрезвляющая реакция: убеждения, основанные на зависти, действительно мало чего стоят. И в ходе работы я все чаще слышала подобные упреки – как от политиков, так и от комментаторов в соцсетях.

² См. также известную статью лауреата Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица, который подчеркивал необходимость сосредоточить внимание на сверхбогатых: 'Of the 1%, by the 1%, for the 1%', Vanity Fair, 31 March 2011, <https://www.vanityfair.com/news/2011/05/top-one-percent-201105>.

И все же этими вопросами задавалась не я одна. Ученые из самых разных областей начинали понимать, что в высших слоях общества происходит нечто такое, на что мы обязаны обратить внимание. Философы выдвигали новые аргументы, указывая на проблемы, связанные с неравенством. Социологи изучали влияние чрезмерного богатства на жизнь самих сверхбогатых и их детей, пытаясь понять, как эти люди оправдывают владение колоссальными активами в мире, где стремительно растет неравенство. Экономисты сопоставляли данные, чтобы выяснить, как менялось распределение доходов и богатства с течением времени. Их исследования показали, что если в первой половине XX века неравенство доходов и богатства в промышленно развитых странах сокращалось, то в 1980-е годы эта тенденция сошла на нет. В ряде стран, в первую очередь в США и Великобритании, неравенство вновь стало увеличиваться. Политэкономисты тем временем пытались объяснить рост неравенства изменениями в экономической системе, связанными с целенаправленной корректировкой правил, регулирующих рынки. Кусочки пазла, поступавшие из разных областей науки, постепенно складывались в единое целое³.

³ Ключевые работы экономистов по этой теме: Joseph Stiglitz, *The Price of Inequality: How Today's Divided Society Endangers Our Future* (New York: W. W. Norton, 2012); Thomas Piketty, *Capital in the Twenty-First Century* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014); Anthony B. Atkinson, *Inequality: What Can be Done?* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015). Работы философов: Elizabeth Anderson, 'What is the Point of Equality?' *Ethics* 109:2 (1999), pp. 287–

По мере продвижения моей работы становилось все более очевидно, что проблемы, порождаемые чрезмерным богатством, имеют не только практический и политический характер – они также относятся к области морали. Рассуждения об оправданности неравенства в целом и сверхбогатства в частности предполагают постановку базовых философских вопросов. Как мы осознаём себя людьми? Как мы осмысливаем свою связь с другими членами общества? Каковы наши обязанности в отношении уязвимых людей и обеспечения общественных благ? И как нам относиться к оправданиям, которые приводят сверхбогатые, объясняя, почему у них так

337; G. A. Cohen, *If You're an Egalitarian, How Come You're So Rich?* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2000); Christian Neuhäuser, *Reichtum als Moralisches Problem* (Berlin: Suhrkamp Verlag, 2018); T. M. Scanlon, *Why Does Inequality Matter?* (New York: Oxford University Press, 2018). Социологические исследования на основе глубинных интервью со сверхбогатыми: Rachel Sherman, *Uneasy Street: The Anxieties of Affluence* (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2017). Работы по политэкономии и анализу законодательства: Ha-Joon Chang, *23 Things They Don't Tell You About Capitalism* (London: Allen Lane, 2010); Robert Reich, *Saving Capitalism: For the Many, Not the Few* (New York: Alfred A. Knopf, 2015). Отмечу два совсем недавних исследования: Mike Savage, *The Return of Inequality* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2021), где вопрос освещается в основном с социологической и исторической точек зрения; Tom Malleon, *Against Inequality. The Practical and Ethical Case of Abolishing the Superrich* (New York: Oxford University Press, 2023), где критический анализ неравенства основан главным образом на политической теории и связанных с ней эмпирических дисциплинах. [Есть русские издания некоторых книг: *Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему*. М.: ЭКСМО, 2015; *Пикетти Т. Капитал в XXI веке*. М.: Ad Marginem, 2016; *Аткинсон Э. Неравенство. Как с ним быть?* М.: Дело, 2018; *Чан Ха Джун. 23 тайны: то, что вам не рассказывают про капитализм*. М.: АСТ, 2014.]

много денег и влияния?

Я стала системно анализировать этические аспекты чрезмерной концентрации богатства и опубликовала некоторые свои выводы. Они не прошли незамеченными в академической среде и побудили других ученых к дальнейшим изысканиям. После десяти лет изучения и обсуждения проблемы чрезмерного богатства я убедилась в том, что мы обязаны создать мир, в котором не будет сверхбогатых, – что должен существовать лимит на богатство для отдельно взятого человека. Этот подход я называю *лимитаризмом*⁴.

Идея лимитаризма проста. Но что он значит на практике? Говорим ли мы об ограничении богатства путем политического принуждения или институциональной реформы – или же это просто призыв активнее заниматься благотворительностью? Не предлагаю ли я государству взять миллиардеров за горло и конфисковать их состояния? Или же речь идет о постепенном повышении прогрессивных налоговых ставок и о том, чтобы положить конец масштабному налоговому мо-

⁴ Ingrid Robeyns, 'Having Too Much', in *Wealth: Yearbook of the American Society of Legal and Political Philosophy*, ed. Jack Knight and Melissa Schwartzberg (New York: NYU Press, 2017), p. 1–44; Ingrid Robeyns, 'What, if Anything, is Wrong with Extreme Wealth?', *Journal of Human Development and Capabilities* 20:3 (2019), p. 251–266. Недавние работы, содержащие перечень академических исследований в области лимитаризма: Dick Timmer and Christian Neuhäuser (eds), 'Limitarianism: Extreme Wealth as a Moral Problem', special issue of *Ethical Theory and Moral Practice* 25:5 (2022); Ingrid Robeyns (ed.), *Having Too Much: Philosophical Essays on Limitarianism* (Cambridge: Open Book Publishers, 2023).

щенничеству, которое стало настоящим бичом современного общества? Не потребует ли лимитаризм полного изменения экономических и политических законов, чтобы общество стало лимитарным с самого начала – еще до того, как люди начнут работать, продавать и покупать, копить и инвестировать, – иными словами, чтобы никто в принципе не мог стать сверхбогатым?

В этой книге предпринимается попытка ответить на все подобные вопросы. Но я сразу хочу сказать, что у лимитаризма нет «серебряной пули» или какой-то одной программы, которая решила бы все проблемы. Его лучше понимать как *регулятивный идеал* – то, к чему нужно стремиться, но чего едва ли удастся окончательно достичь с учетом современного мироустройства. Так же обстоит дело с большинством общественных идеалов, в том числе с идеями искоренения бедности (всегда найдутся люди, не охваченные стратегиями снижения бедности) и дискриминации (достижение этого идеала потребовало бы морально безупречных действий со стороны всех людей и институтов). Разумеется, признание того факта, что искоренение бедности и дискриминации – это лишь регулятивные идеалы, не делает их менее важными. То же относится и к ограничению индивидуального богатства.

Это не значит, что общественные идеалы в принципе недостижимы: например, можно искоренить смертельно опасные вирусные заболевания. Международные организа-

ции здравоохранения уже долгое время ведут с ними борьбу, и все мы знаем, насколько это сложная задача. Однако оспу, вызываемую вирусом *variola*, который убивал трех из десяти заразившихся, победить все же удалось. В 1960–1970-е годы Всемирная организация здравоохранения провела масштабную кампанию по вакцинации и в 1980 году объявила об окончательной победе над натуральной оспой. Впрочем, подобные успехи редки; на самом деле искоренение оспы – исключение из правила о том, что достижение большинства идеалов невозможно. Но это не значит, что нужно отказаться от попыток их достичь. Мы должны стремиться к ним, применяя все доступные средства.

В практическом смысле лимитаризм призывает к действиям в трех направлениях. Первое – это *структурные меры*. Главные социальные и экономические институты должны предоставлять людям подлинно равные возможности за счет доступного ухода за детьми, бесплатного и качественного образования и всеобъемлющей стратегии борьбы с бедностью. Мы должны также стремиться выстроить экономику таким образом, чтобы обеспечивалось справедливое распределение богатства и достойный уровень жизни для всех. Иными словами, необходимы гарантированная минимальная заработная плата, позволяющая вести достойную жизнь; доступное и всеобщее здравоохранение; защита рынков жилья от разрушительного влияния спекулянтов и коммерческих хищников. Такие структурные меры помогут ограни-

читать неравенство, улучшив экономическое положение низшего и среднего классов: бедные получают больший кусок общего пирога, а тем, кто сейчас забирает львиную долю, достанется меньше.

Чем больше мы примем структурных мер для сокращения неравенства, тем меньше потребность в стратегии второго типа – *фискальных мерах*. Структурные меры наподобие вышеперечисленных сами по себе не предотвратят возникновения значительного неравенства и не позволят всем без исключения вести достойную жизнь. Для этого по-прежнему будет необходима фискальная система, то есть система налогов и социальных пособий. Если бы единственным средством построения лимитарного общества было налогообложение, то следовало бы установить налоговую ставку в размере 100% на богатство и доходы сверх определенного лимита (сразу оговорюсь, что это не единственное средство). Тем не менее, как я объясню далее, есть веские основания установить лимит на богатство.

Но даже серьезные структурные изменения и высокий налог для сверхбогатых не приведут к лимитаризму, если мы сами не приложим к этому усилия. Отсюда возникает необходимость в стратегии третьего типа: лимитаризм призывает к *этическим мерам* – все мы должны руководствоваться *лимитаристской этикой*. В краткосрочной перспективе может оказаться невозможным реализовать упомянутые выше структурные и фискальные меры, если учесть политиче-

скую инерцию и тот факт, что состоятельные элиты оказывают непропорционально большое влияние на политику. В силу господствующих идеологических норм и интересов лимитаризм наверняка столкнется с серьезным политическим сопротивлением. И всегда будут исключения: даже в мире, где действуют эффективные социальные структуры и нормы, человек может оказаться чрезвычайно богатым просто благодаря крупной удаче. В подобных обстоятельствах лимитаризм даст сверхбогатым возможности и основания направить излишек денег на уменьшение людских страданий и решение социальных проблем. Если состоятельный человек согласен с аргументами против чрезмерной концентрации богатства, ему необязательно ждать, пока общество в целом перейдет к лимитаризму. Как мы увидим, эти люди уже сейчас могут многое сделать для сокращения неравенства и несправедливости и движения к более справедливому миру, в котором никто не сможет стать – и оставаться – сверхбогатым⁵.

За многие годы мне встречалось немало людей, которые

⁵ О важности этики в вопросе справедливого распределения благ см.: G. A. Cohen, 'Where the Action is: On the Site of Distributive Justice', *Philosophy & Public Affairs* 26:1 (1997), p. 3–30, и Jonathan Wolff, 'Fairness, Respect, and the Egalitarian Ethos', *Philosophy & Public Affairs* 27:2 (1998), p. 97–122. Довод о том, что для создания справедливого общества с соответствующими законами нужна эгалитаристская этика, был ключевым в работах философов-феминисток, анализировавших гендерное неравенство в экономике. См., например: Susan Okin, *Justice, Gender, and the Family* (New York: Basic Books, 1989).

не считали лимитаризм такой уж радикальной идеей. Они давно размышляли над этой темой и были рады узнать, что теперь для их взглядов есть название и что наконец-то пришло время для более широкого диалога об угрозах и рисках чрезмерной концентрации богатства и о тех возможностях, которые даст всем нам его ограничение. Подобные отзывы я получала от самых разных людей. Однажды, на презентации одной из моих работ по лимитаризму в Нью-Йорке, некий слушатель представился сотрудником *Goldman Sachs* и сказал, что согласен с моими предложениями. В другой раз я беседовала с прихожанами протестантской церкви в Нидерландах и заметила, как сидевший на заднем ряду священник утвердительно кивал, пока я излагала свои доводы. Потом он подошел ко мне и сказал, что такие дискуссии крайне необходимы. Я получала множество бумажных и электронных писем от людей, которые читали мои статьи в прессе и просто хотели, чтобы я знала: они абсолютно со мной согласны.

Я собираюсь показать, что существует множество моральных, политических и практических причин согласиться с мнением этих людей – иначе говоря, множество доводов в пользу лимитаризма. Я надеюсь, что если мы сможем провести открытую и честную дискуссию о неравенстве и тщательно разобрать аргументы в пользу лимитаризма, то большинство людей с ними согласится.

Для начала, впрочем, нужно определиться с тем, что мы

понимаем под серьезной дискуссией. В начале 2023 года в голландских и бельгийских СМИ разгорелись споры о лимитаризме. Все обернулось весьма предсказуемо: те, кому дискуссия была не по душе, сразу же начали сражаться с соломенным чучелом лимитаризма. В частности, некоторые критики возмущались тем, что лимитаризм подразумевает обязательное введение прогрессивного налога на доходы (а не на богатство) с максимальной ставкой в размере 100%. Это означало бы, что, когда чья-то зарплата достигнет определенной суммы, все деньги сверх нее будут просто изыматься в качестве налогов. Критики не смогли понять, что лимитарное общество можно построить иными способами, но это их, видимо, не особо беспокоило. Некоторые даже заявляли, что лимитаристы не думают о том, что будет с излишком денег, изъятым в виде налога, а просто хотят наказать богатых за их богатство.

Это довольно нечестный способ заткнуть оппонентов в дискуссии по насущным вопросам, которые слишком часто обходят стороной. Может ли человек быть слишком богатым? Есть ли у чрезмерного богатства негативные последствия? И что делать, если ответ на оба вопроса утвердительный? Не очень-то разумно обращать все в карикатуру и высмеивать.

Порой оппоненты признавали, что неравенство – это плохо, и в то же время говорили, что введение лимита на богатство – слишком суровая мера. Такой ответ обескуражи-

вает. Где тут логика? Мы говорим о двух сторонах одной медали: об ограничении неравенства с самого верха и устранении вреда, который несет чрезмерная концентрация богатства. Если вы хотите, чтобы никто не жил в бедности, и считаете, что рост неравенства — это плохо, отсюда следует необходимость ограничить индивидуальное богатство. В конце концов, с точки зрения арифметики неравенство — это дистанция между верхними и нижними слоями. Если неравенство когда-либо будет побеждено, то появится верхний предел, который и будет ограничивать наше богатство. Конечно, споры о том, где именно проводить черту, неизбежны, как неизбежны и дискуссии о реализации такого ограничения. Но каждый, кто считает неравенство несправедливым и нежелательным, должен поддержать введение верхнего ограничения богатства *в какой-либо* форме.

Итак, где будет проходить черта? В конечном счете решать должны жители каждой страны путем отлаженных политических процедур. В здоровой публичной среде можно тщательно обсудить доводы в пользу лимитаризма и выработать политическое решение о том, какое богатство считать чрезмерным. Но если бы я ограничилась таким объяснением, вы по понятной причине были бы разочарованы, и это никак не продвинуло бы дискуссию: совершенно очевидно, что между лимитом в 5000 фунтов и 50 миллиардов фунтов есть огромная разница. Поэтому я все же выскажу свое мнение о том, каким должен быть лимит богатства, но подчерк-

ну, что делаю это только для того, чтобы задать отправную точку для дальнейшей дискуссии.

Я предлагаю не один, а два верхних предела. Тот, что выше, – политический: это лимит, который должны вводить общественные структуры и фискальная система. Второй, ниже, – личный: здесь в дело вступает этика.

На каком уровне должен быть установлен верхний, политический лимит? Есть те, кто видит следствие провальной политики в каждом миллиардере, и они бы установили предел, равный миллиарду. В соцсетях гуляет шутка о том, что каждый миллиардер должен получать приз за «прохождение капитализма»: в его честь переименовывают какую-нибудь собачью площадку, а все избыточное богатство конфискуется.

Шутка забавная, но миллиард – это слишком много. Чтобы рассчитать политический лимит, нужно понимать условия, в которых он вводится (подробнее об этом говорится в следующей главе). В стране, похожей по социально-экономическим условиям на Нидерланды, где я живу, нужно стремиться к построению общества, где ни у кого не будет больше 10 миллионов евро. Не должно быть ни одного *декамиллионера*. Эта цифра – в евро, долларах или фунтах – справедлива для большинства развитых экономик, хотя важно отметить, что методика расчета имеет большее значение, чем итоговая сумма. Как мы увидим далее, эта методика должна позволять людям, живущим в других социально-экономиче-

ских условиях, самостоятельно вычислять значение верхнего лимита для своих стран.

Что касается более низкого, этического лимита, то в большинстве случаев есть очень веские причины установить его намного ниже 10 миллионов. Я считаю, что для человека, который живет в стране с надежной коллективной системой пенсий, этический лимит должен составлять около одного миллиона фунтов, долларов или евро. Этический лимит тоже зависит от конкретных условий и, как я покажу далее, в одних случаях может быть ниже, а в других выше. Здесь тоже важнее не точная сумма, а методика ее расчета. Безусловно, оба лимита могут вызывать разногласия; найдутся и те, кто посчитает, что этический лимит должен быть гораздо ниже, чем предложенный мной.

Остановимся ненадолго, чтобы ответить на ряд вопросов и возражений, которые наверняка уже возникли у некоторых читателей. Первое: не предполагает ли лимитаризм уравнивания всех людей, независимо от их занятий? Ответ прост: нет, не предполагает. Лимитаризм не подразумевает строгого равенства. Существуют причины, основанные как на принципах, так и на прагматических соображениях, по которым определенный уровень неравенства оправдан. Одни люди работают гораздо усерднее других, берут на себя больше рисков и ответственности. Другие занимаются опасной, чрезвычайно напряженной или вредной для здоровья рабо-

той. У некоторых настолько напряженный рабочий график, что он вредит их семейной жизни. Кому-то нужно постоянно быть на связи. В то же время есть и те, кто ведет скромный образ жизни, позволяющий откладывать сбережения. Существуют и другие причины, по которым некоторое неравенство вполне нормально, и мы поговорим о них позже. Но *неограниченному* неравенству нет никаких оправданий. И это ключевой тезис лимитаризма.

Второе возражение связано с тем, что ограничение индивидуального богатства потребует отказа от частной собственности и рыночных механизмов и неминуемо приведет к коммунизму в советском духе. Этот аргумент меня поражает: он говорит о низком уровне общественной дискуссии. Ведь это просто чепуха и, вероятно, очередная попытка заглушить конструктивную критику статус-кво. Но поскольку я слышу это возражение очень часто, скажу прямо: я не сторонница коммунизма в советском варианте, равно как и любых других режимов, подразумевающих отказ от рыночной экономики и частной собственности. Рынки – это надежное средство достижения материального благополучия, а частная собственность – краеугольный камень нашей безопасности, автономии и процветания; и то и другое необходимо для функционирования общества, наряду с общественными благами и общедоступными коллективными ресурсами. Попытавшись избавиться от них, мы бы выстрелили себе в ногу. В реальности вопрос заключается в другом: *какие ограниче-*

ния на рынок и частную собственность нужно наложить для достижения лимитаризма.

Третье возражение уже упоминалось выше: оно состоит в том, что дискуссия о легитимности чрезмерного богатства вызвана банальной завистью. Это одно из самых частых замечаний – его слышат в свой адрес не только сторонники лимитаризма, но и те, кто выступает за более прогрессивную шкалу налогообложения. Когда во время праймериз Демократической партии перед президентскими выборами 2020 года в США Берни Сандерс и Элизабет Уоррен предложили ввести налог на богатство, их тут же обвинили в зависти. Когда немецкие политики обсуждали в 2019 году предложение ввести налог на богатство, критики объявили это *eine Neiddebatte* («завистливыми прениями»). Когда британский вице-премьер Ник Клегг в 2012 году предложил ввести разовый налог на активы сверхбогатых британцев для борьбы с экономическим кризисом и социальными волнениями, его тоже заклеили как сторонника «политики зависти». В Нидерландах консервативные и правые политики даже придумали новое слово: они упоминают *jaloessiebelasting* («налог зависти») каждый раз, когда предлагается налог, больше всего затрагивающий интересы сверхбогатых. Во всех этих странах повторяются вариации одной и той же темы: если вы обращаете пристальное внимание на богатых, то это просто зависть⁶.

⁶ О частых обвинениях в зависти во время обсуждения налоговой полити-

Общее мнение, даже среди умеренных прогрессистов, состоит в том, что нельзя посягать на состояние сверхбогатых — они заслужили его тяжким трудом, стараниями и талантом. Критиковать их некрасиво и даже стыдно: все сразу решат, что вам самим недостает таланта или трудолюбия. И так думают далеко не только консерваторы и представители правого политического крыла. Эту точку зрения выразил и Барак Обама, отвечая на вопрос журналиста о бонусах: «Я, как и большинство американских граждан, не завидую успехам и богатству других людей. Это часть системы свободного рынка»⁷.

ки в США см.: Joseph J. Thorndike, 'Envy Doesn't Explain «Soak the Rich» Taxation,' taxnotes, 9 August 2021, <https://www.taxnotes.com/featured-analysis/envy-doesnt-explain-soak-rich-taxation/2021/08/06/76zp6>. О дебатах в Германии в 2019 году см., например: 'CDU wirft SPD «billige Neiddebatte» vor', Zeit Online, 23 August 2019, <https://www.zeit.de/wirtschaft/2019-08/vermoegenssteuer-spd-cdu-paul-ziemiak-finanzen> и Marcel Fratzscher, 'Bloß keine Neiddebatte!', Spiegel Wirtschaft, 26 August, 2019, <https://www.spiegel.de/wirtschaft/soziales/vermoegensteuer-wir-brauchen-keine-neiddebatte-a-1283634.html>. О критике Клегра см.: Nicholas Watt and Shiv Malik, 'Nick Clegg Wealth Tax «the Politics of Envy», Says Senior Tory', Guardian, 29 August 2012, <https://www.theguardian.com/politics/2012/aug/29/nick-clegg-wealth-tax-envy>. Об использовании выражения «налог зависти» правыми нидерландскими политиками см., например: 'Wiegel: vermogensbelasting is jaloeziebelasting', RTL Nieuws, 13 September 2015, <https://www.rtlnieuws.nl/geld-en-werk/artikel/324451/wiegel-vermogensbelasting-jaloeziebelasting>.

⁷ Simon Johnson, 'Obama Still Doesn't Get It', Common Dreams, 10 February 2010, <https://www.commondreams.org/views/2010/02/10/obama-still-doesnt-get-it>; Victoria McGrane, 'Left Rips Obama Bonus Comments', Politico, 2 October 2010, <https://www.politico.com/story/2010/02/left-rips-obama-bonus-comments-032795>.

Поскольку обвинения в зависти звучат особенно часто, я постараюсь отнестись к ним серьезно и показать, почему они не выдерживают критики. Самый простой способ их опровергнуть – указать на то, что и сами очень богатые люди нередко выступают за политические меры по ограничению неравенства сверху. Многие мультимиллионеры и миллиардеры отмечают, что неравенство становится чрезмерным, так что правительства должны повышать налоги для самых богатых. В январе 2023 года около двухсот мультимиллионеров подписали письмо участникам Всемирного экономического форума в Давосе с призывом повысить налоги для богатых. О том же неоднократно говорил Билл Гейтс. Перед президентскими выборами 2020 года в США семнадцать сверхбогатых бизнесменов, включая Джорджа Сороса, призывали кандидатов ввести налог на богатство. Есть явное противоречие в утверждении о том, что человек, призывающий повысить налоги для своего экономического класса и активно раздающий собственные деньги, завидует тому богатству, которым обладает сам и которым обладают люди его круга. Это просто бессмысленно. Как можно завидовать самому себе?⁸

⁸ Письмо политикам – участникам Давосского форума 2023 года см.: <https://costofextremewealth.com>. Интервью с Биллом Гейтсом см.: <https://www.cnn.com/2019/02/13/bill-gates-suggests-higher-taxes-on-those-with-great-wealth.html>; <https://www.forbes.com/sites/sergeiklebnikov/2020/01/03/bill-gates-urges-lawmakers-to-raise-taxes-on-americas-ultra-rich/?sh=4ce7b3d2f3f5>. Письмо к кандидатам на президентских выборах в США 2020 го-

Кроме того, можно также отметить, что каждый, кто возражает против лимитаризма на этом основании, поступает по принципу «назло маме отморожу уши». Ведь сокращение неравенства ослабит и основания для зависти, а значит, снизит уровень самой зависти, как отмечают датские политологи Давид Аксельсен и Лассе Нильсен. Аксельсен и Нильсен полагают, что те, кто говорит о зависти, исходят из того, что государство не должно поощрять малоимущих желать того, что есть у других. Вместо этого небогатым людям следует сосредоточиться на собственной жизни и попытаться ее улучшить. Аксельсен и Нильсен отмечают, что людей не так беспокоило бы чужое имущество, если бы неравенство имело потолок и существовали бы ограничения на накопление и расходы. Чем меньше конкуренции за статусные товары, тем меньше демонстративного потребления, которое в первую очередь и вызывает зависть. В лимитарном обществе будет лучше всем, включая богатых, поскольку оно устраняет потребность в бесконечных крысиных бегах в погоне за статусными благами. Если вы против зависти, то это веский повод поддержать ограничение избыточного потребления, которым сопровождается чрезмерное богатство⁹.

Есть и еще один ответ на обвинения в зависти. Не имеет

да см.: <https://medium.com/@letterforawealthtax/an-open-letter-to-the-2020-presidential-candidates-its-time-to-tax-us-more-6eb3a548b2fe>.

⁹ Lasse Nielsen and David Axelsen, 'Envy, Levelling-Down, and Harrison Bergeron: Defending Limitarianism from Three Common Objections', *Ethical Theory and Moral Practice* 25 (2022), p. 737–753.

значения, испытывает ли зависть кто-то из сторонников введения лимита на богатство. Важно то, есть ли у него весомые аргументы в пользу ограничения неравенства. Если да, то мы можем сказать, что завидовать нехорошо, это печально и достойно сожаления, но это никак не опровергает идею лимитаризма. Нужно рассматривать сами аргументы, а не чувства тех, кто их выдвигает. В конечном счете обвинения в зависти следует понимать как еще одну стратегию отвлечения внимания, попытку уйти от разговора о вреде чрезмерного богатства и о преимуществах лимитаризма¹⁰. Так что давайте не будем отвлекаться от главного.

Обнадеживает тот факт, что за последние годы некоторые сверхбогатые люди уже внедрили лимитаризм в свою жизнь. Один британский декамиллионер, с которым я беседовала, решил, что им с женой и детьми будет достаточно двух миллионов фунтов; все остальное они планируют раздать к 2030 году. Их денег хватило бы на покупку нескольких домов, но они продолжают жить в обычном доме на одну семью и не тратят деньги на капризы. Он собирается раздать излишки своего состояния именно потому, что больше им не надо: двух миллионов фунтов британской семье из четырех человек вполне достаточно для хорошей жизни, а остальное поможет улучшить жизнь обездоленных.

¹⁰ T. M. Scanlon, *Why Does Inequality Matter?* (New York: Oxford University Press, 2018), p. 3–7.

За введение лимита на богатство выступают не только анонимные миллионеры; есть и широко известные примеры лимитарного поведения еще более богатых людей. Например, бывший миллиардер Чарльз «Чак» Фини раздал практически все свое состояние после того, как в середине жизни понял, что при всем своем богатстве питает глубокое отвращение к окружающему его демонстративному потреблению. Он решил, что лучшим применением денег будет отдать их еще до собственной смерти. Так он и поступил: раздал почти все свое состояние – примерно восемь миллиардов долларов – и в 2020 году закрыл свой благотворительный фонд. Сейчас ему 91 год, и он живет с женой в съемной трехкомнатной квартире, оставив себе около двух миллионов долларов. [Чак Фини умер в октябре 2023 года. – *Прим. ред.*] Пятеро его детей не ожидают большого наследства и говорят, что благодарны отцу за то, что могут вести обычную жизнь¹¹.

Не так давно Ивон Шуинар, основатель компании по производству одежды и снаряжения для активного отдыха *Patagonia*, решил передать контроль над компанией некоммерческой организации, чтобы направлять прибыль на борьбу с изменением климата и охрану дикой природы по всему миру. Компания оценивается примерно в три миллиарда

¹¹ Conor O'Clery, *The Billionaire Who Wasn't: How Chuck Feeney Secretly Made and Gave Away a Fortune* (New York: Public Affairs, 2013); Steven Bertoni, 'The Billionaire Who Wanted to Die Broke... Is Now Officially Broke', *Forbes*, 15 September 2020, <https://www.forbes.com/sites/stevenbertoni/2020/09/15/exclusive-the-billionaire-who-wanted-to-die-brokeis-now-officially-broke>.

долларов и приносит около ста миллионов долларов прибыли в год. Решение Шуинара не связано с его образом жизни, как у Фини (хотя, по слухам, у него нет ни мобильного телефона, ни компьютера, так что вряд ли он живет слишком роскошно): он просто считает, что смысл существования его компании состоит в том, чтобы положительно влиять на планету. Пусть даже бизнес-видение Шуинара, для которого люди и планета значат больше, чем прибыль, выбивается из правил, его пример показывает, что даже успешные транснациональные корпорации могут разделять ценности лимитаризма¹².

¹² David Gelles, 'Billionaire No More: Patagonia Founder Gives Away the Company', New York Times, 15 September 2022, <https://www.nytimes.com/2022/09/14/climate/patagonia-climate-philanthropy-chouinard.html>. См. также: Yvon Chouinard, *Let My People Go Surfing: The Education of a Reluctant Businessman* (New York: Penguin Books, 2016). [Русское издание: *Шуинар И. Patagonia – бизнес в стиле серфинг. Как альпинист создал крупнейшую компанию спортивного снаряжения*. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.] Однако историю Patagonia не стоит брать за образец, пока мы не знаем, что покажут независимые исследования условий труда в этой компании и ее воздействия на окружающую среду. Например, по сообщению нидерландской исследовательской платформы Follow the Money, некоторые продукты Patagonia изготавливают фабричные рабочие в зоне свободной торговли Катуньяке на Шри-Ланке. Эта фабрика производит одежду не только для Patagonia, но и для пятнадцати других международных брендов, в том числе H&M и Zara. Сообщается, что сотрудники здесь работают на несколько часов дольше стандартного рабочего дня, а получают меньше прожиточного минимума. См.: Yara van Heugten, 'Duurzaam kledingmerk Patagonia produceert in dezelfde fabrieken als fast-fashion, textielmedewerkers uitgebuit', 10 June 2023, <https://www.ftm.nl/artikelen/patagonia-heeft-grote-moeite-met-deugen>.

По большому счету все сверхбогатые люди, с которыми я беседовала, признавали, что неравенство – серьезная политическая проблема и что правительства чересчур лояльны к самым состоятельным гражданам. Я искала встреч с этими мужчинами и женщинами, чтобы лучше понять, как они сами относятся к своему богатству и как ощущают его динамику. Мне было очень интересно услышать их рассуждения о дилеммах, с которыми они сталкивались, размышляя о раздаче своих активов. Неудивительно, что многие пытались как-то оправдать свои накопления: в конце концов, они такие же люди, как и все мы, а людям свойственно защищать свой выбор и не свойственно отказываться от привилегий. Тем не менее все очень богатые люди, с которыми я говорила, были прекрасно осведомлены о проблемах, вызванных нынешним уровнем неравенства. По большей части они не были теоретиками, учеными или писателями, но многие из них выражали те же лимитаристские взгляды и доводы, которые я привожу в этой книге. Было весьма приятно узнать, что идеи лимитаризма во многом разделяют те самые люди, которые при переходе к нему должны потерять больше всего денег.

Конечно, нельзя не признать, что подобные примеры все же редки. Гораздо больше мультимиллионеров и миллиардеров держатся за свои деньги и раздают в лучшем случае жалкие крохи. Или, что еще хуже, – так удачно занимаются филантропией, что это делает их еще богаче: они создают бла-

готворительные фонды, которые обслуживают их собственные деловые интересы и позволяют получать налоговые вычеты. К сожалению, те декамиллионеры, которые считают, что в полной мере заслужили свое богатство, не горят желанием о нем говорить. Опираясь на свой опыт работы над журналистскими материалами и над этой книгой, могу сказать, что очень трудно найти человека, готового отстаивать такую позицию перед широкой аудиторией – с кафедры или в прессе. Консервативные сверхбогатые люди особенно не хотят публично обсуждать моральные аспекты ограничения неравенства. В январе 2022 года телеканал *CBS* взял у меня интервью о лимитаризме, а затем расспросил кинопродюсера Эбигейл Дисней, наследницу Уолта Диснея, о ее политической борьбе с растущим неравенством. Насколько я поняла, *CBS* несколько месяцев пытался найти очень богатого человека, который согласился бы выступить в эфире с защитой идеи концентрации денег в руках миллиардеров. Но никого найти не удалось. В итоге они позвали Вивека Рамасвами – американского предпринимателя и инвестора в первом поколении, который позднее стал одним из кандидатов в президенты от Республиканской партии. Он рассказал что-то не особо относящееся к делу о важности равных возможностей. Ну конечно, мы все за равные возможности! Похвально говорить о стремлении помочь обездоленным, но богатые научились делать это так, чтобы избежать любых вопросов о неравенстве: ведь такие вопросы неизбежно ведут к анализу

структуры общества, политических решений и распределения власти, которые и вызывают неравенство. И богатым это не выгодно. Неудивительно, что подавляющее их большинство старается избегать этой темы¹³.

Однако мы должны пытаться поддерживать диалог со сверхбогатыми, даже если некоторые из них настолько поглощены собой, что трудно не испытывать к ним неприязнь. Понятно, почему прогрессисты часто впадают в соблазн очернения самых богатых. Но я считаю такой подход слишком поверхностным, пусть даже в отдельных случаях он и оправдан. Чрезмерная концентрация богатства – это прежде всего структурная проблема, а потому в первую очередь нужно сосредоточиться на структурных изменениях. Не стоит заикливаться на богачах как таковых, если только они не строят препоны необходимым структурным переменам.

Нужно также помнить, что сверхбогатые – это весьма неоднородный класс. Некоторые из тех, с кем я общалась, создают политические организации для протеста против чрезмерного богатства и призывают к перераспределению денег и власти от богатых к бедным и среднему классу. Некоторые

¹³ Тот факт, что большинство сверхбогатых людей не желают обсуждать неравенство и концентрацию богатства, подтверждают все мои собеседники, а также ряд исследований и других источников. См., например: Sherman, *Uneasy Street*; Anand Giridharadas, *Winners Take All: The Elite Charade of Changing the World* (New York: Alfred Knopf, 2018) [Русское издание: *Гиридхарадас А. Победители получают всё. Уловки элит, (не) меняющие мир*. М.: АСТ, 2024]; Marlene Engelhorn, *Geld* (Vienna: Kremayr & Scheriau, 2022).

даже выступают за пересмотр самого типа экономики. Поэтому несправедливо было бы рассматривать всех сверхбогатых скопом, не говоря уже о крайней неразумности такой стратегии для тех, кто хочет добиться реальных перемен.

Кроме того, на еще более глубоком уровне необходимо поддерживать коммуникацию с теми, с кем мы не согласны, при условии, что все участники диалога готовы слушать друг друга и избегать лжи, манипуляций и оскорблений (для этого требуются СМИ, способные сделать такие дебаты возможными, – то есть СМИ, свободные от злоупотреблений со стороны корпораций; к этой проблеме мы еще вернемся). Если мы будем просто клеймить сверхбогатых, а не пытаться решить проблему чрезмерной концентрации богатства, вести диалог будет намного сложнее. Способность обмениваться идеями и готовность корректировать свою точку зрения – отличительные признаки мыслящих, рефлексирующих существ. Это краеугольный камень демократического общества. Как пишет Ананд Гиридхарадас в своей книге «Мастера убеждения» (*The Persuaders*), если мы хотим сделать мир лучше, то должны уметь убеждать других и быть готовы сами пересмотреть свои убеждения. Это значит, что в споре нужно не просто выкрикивать политические лозунги, а задуматься над тем, почему мы считаем их верными. Мы должны излагать свои рассуждения с уважением к окружающим, ведь в конце концов, все мы живем бок о бок с другими людьми

– в каждом государстве на нашей общей планете.¹⁴

Больше десяти лет назад я задалась целью ответить на вопрос, есть ли что-то неправильное в чрезмерном богатстве. Я сформулировала множество аргументов – моральных, политических, практических, – опираясь на огромный объем информации, полученной путем эмпирических поисков и журналистских расследований. Итогом стала эта книга, которую можно считать публичным актом убеждения. Я надеюсь убедить читателей в том, что всем нам будет лучше в мире без сверхбогатых; в мире, где «просто богатые», заплатив налоги, будут готовы отдать большую часть своего состояния тем, кому повезло меньше. В таком мире не просто улучшилось бы положение каждого – в нем стало бы гораздо больше справедливости во всех смыслах.

Многие прогрессисты найдут на этих страницах аргументы в поддержку своих взглядов. Большинство консерваторов, неолибералов и правых либертарианцев занимают по этому вопросу позицию, далекую от моей. И все же я надеюсь, что они захотят поучаствовать в дискуссии. В конце концов, проблема касается и их будущего: как и все остальные, они могут потерять очень многое, если ничего не предпринять.

¹⁴ Anand Giridharadas, *The Persuaders: At the Front Lines of the Fight for Hearts, Minds, and Democracy* (New York: Alfred A. Knopf, 2022).

Слишком много – это сколько?

Когда моему старшему ребенку было лет двенадцать, мы ездили на велосипедах из нашего дома в Утрехте в соседнюю деревню. Утрехт – красивый старинный город в центре Нидерландов, со множеством средневековых зданий. Он кипит жизнью. Как и в любом городе, здесь есть свои сложности, но благодаря многолетней прогрессивной политике, проводимой на муниципальном уровне, качество жизни населения остается высоким. И, как повсюду в Нидерландах, здесь прекрасная инфраструктура для велопоездки. На двух колесах здесь передвигаются почти все: молодые и пожилые, богатые и бедные.

Был чудесный день, и по дороге мы болтали. На окраине города мы миновали скамейку, на которой спал мужчина. У него явно были тяжелые времена: грязная, потрепанная одежда, стоптанная обувь, на лице и руках язвы. Когда мы проехали мимо, сын спросил меня: «Мама, ты это видела?» Я ответила: «Да, это бездомный». Мой сын помолчал, а потом сказал: «Мне стыдно, что в нашей стране так обходятся с людьми».

Увидеть бездомного, спящего на скамейке или даже на картонке на тротуаре, можно где угодно, хотя в некоторых

местах вероятность такой встречи выше. Худшие проявления бедности – будь то отсутствие крова или другие материальные лишения – обычно видны всем: вспомним о детях, которые вечно ходят в школу в одной и той же одежде и с нетерпением ждут там бесплатного обеда. А вот огромное богатство, как правило, остается невидимым. Во многих странах богатые и очень богатые люди предпочитают держаться подальше от посторонних глаз. Они строят особняки за высокими заборами или на закрытых территориях, усеянных камерами, чтобы не подпускать к себе тех, кто сует нос не в свое дело. На мероприятия с участием других сверхбогатых они надевают дорогую одежду и украшения, но в тех редких случаях, когда они оказываются в общественном месте рядом с простыми смертными, они предпочитают слиться с толпой. В публичном пространстве неравенство чаще проявляется в виде бедности, а не чрезмерного богатства.

Это прозвучит банально, но у неравенства есть две стороны. Оно может расти из-за того, что бедные беднеют, или из-за того, что богатые богатеют, оставляя средний класс и бедняков еще дальше позади. Если неравенство усугубляется из-за обнищания бедных или сокращения среднего класса, это довольно заметно и многие лично сталкиваются с последствиями. Мы сразу замечаем, когда на улице становится больше бездомных и просящих подаяние. Продовольственные банки немедленно сообщают журналистам, что очереди

за бесплатным питанием выросли и что появилось больше семей, отчаянно нуждающихся в помощи, поскольку их доход больше не покрывает насущные потребности. Если же самые богатые становятся еще богаче, то общество этого почти не замечает; наш повседневный опыт особо не меняется – а если и меняется, то по крайней мере не сразу. Мы можем узнать о тенденции лишь из списков богатейших людей мира или из сообщений СМИ об изменении в статистике распределения богатства. Если, конечно, СМИ вообще решат уделить этому внимание.

Вероятно, именно поэтому в последние два десятилетия XX века мало кто заметил, что неравенство начало расти. Во многих государствах уровень бедности долгое время не менялся, а в некоторых развивающихся странах, прежде всего в Китае, начал расширяться средний класс. Большинство экономистов сосредоточились именно на этом явлении, отмечая, что расширение международной торговли способствовало сокращению крайней бедности на глобальном Юге. Финансовый кризис 2008 года вызвал заметный рост числа людей, оказавшихся в нищете, но само слово «кризис» ввело общество в заблуждение, создав иллюзию, будто это временный сбой в системе, которая в целом справедливо обеспечивает всеобщее благосостояние.

Все изменилось в 2013 году с выходом книги французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке», которая произвела эффект разорвавшейся бомбы. Пикетти и его кол-

леги из разных стран собирали новые данные, по большей части из ранее не изученных источников – например, налоговой отчетности прежних десятилетий. Эти данные подтвердили распространенное представление о том, что в период непосредственно после Второй мировой войны неравенство во многих богатых странах сократилось. Сама война стала жестоким уравниателем, уничтожив многие крупные состояния того времени; после нее люди общими усилиями пытались воссоздать общество, в котором мог бы благоденствовать каждый. Но анализ Пикетти также показал, что в конце 1970-х годов наступил переломный момент, после которого неравенство – в доходах и особенно в богатстве – стало неуклонно расти. Пикетти развеял миф о том, что высокий уровень неравенства феодальной поры больше не вернется: он предупредил, что без политического вмешательства мы войдем в новую квазифеодальную эру, когда у небольшой группы людей будет практически все, а у большинства – почти ничего¹⁵.

К сожалению, он оказался прав. Судя по принимаемым политическим решениям, чрезмерному богатству дан зеленый свет. Оно растет как снежный ком, и бороться с неравенством становится все сложнее. За десять лет после выхода книги Пикетти богатые стали еще богаче: каждый год международное объединение *Oxfam* приводит в своих докладах

¹⁵ Научный анализ роста неравенства проводился и до выхода книги Пикетти, но ни одна из работ не оказала такого влияния на общественную дискуссию.

ошеломляющую статистику глобального распределения богатства. Например, за период с 2020 по 2022 год самый богатый один процент населения прибавил в доходах и богатстве вдвое больше, чем остальные 99%, вместе взятые¹⁶.

Чтобы попытаться найти решение этой проблемы, нужно разобраться в природе и масштабах чрезмерного богатства. Когда мой сын видит человека, спящего на скамейке или на тротуаре, мы можем поговорить о том, почему это происходит и что с этим можно сделать; но мы редко задумываемся – если вообще задумываемся – о том, какая связь существует между сверхбогатым миллиардером, живущим в особняке за высоким забором, и бездомным, вынужденным выживать на улице, или семьей из среднего класса, которая с трудом выкраивает деньги на аренду жилья¹⁷.

Глядя на статистику и прочие данные, мы можем выяснить, сколько зарабатывают и имеют самые состоятельные члены общества; как они нажили свое богатство и как оно росло с течением времени; и самое важное – как тот са-

¹⁶ Доклад Oxfam под названием *Survival of the Richest: How We Must Tax the Super-Rich Now to Fight Inequality* (2023), <https://oxfamlibrary.openrepository.com/bitstream/handle/10546/621477/bp-survival-of-the-richest-160123-en.pdf>.

¹⁷ Есть и исключения. Например, в книге Мэтью Десмонда – Matthew Desmond, *Poverty, by America* (New York and London: Crown and Allen Lane, 2023) – рассматривается распространение бедности в США и отмечается, что следовало бы обратить внимание на богатых граждан, проталкивающих фискальные и прочие законы, от которых сами они выигрывают куда больше, чем бедные.

мый один процент приумножает свои активы. Но прежде чем углубляться в цифры, нужно понять, кто вообще эти люди. О ком мы говорим? Какую жизнь они ведут? Очевидно, что у всех сверхбогатых много денег. Мы еще вернемся к вопросу о том, что такое «много денег», а пока будем считать сверхбогатым человека, который либо владеет активами на сумму не менее пяти миллионов фунтов, либо имеет доход, позволяющий со временем сколотить такое состояние. У одних весьма солидный заработок: главы крупных компаний нередко получают 10 миллионов фунтов в год и даже больше. Другие имеют более скромные доходы, однако владеют внушительными активами – землей, недвижимостью, унаследованными деньгами на банковских счетах. Подобные крупные капиталы позволяют богатству самовоспроизводиться, поскольку отдача от инвестиций и займов при таких активах гораздо выше, чем выгода от сбережений семьи из среднего класса. Обычный человек со скромной суммой на банковском счете, как правило, получает менее 1% годовых, но у тех, кто имеет много денег и может себе позволить долгосрочные инвестиции, доходность составляет 5% и более.

Но если вы посмотрите на жизнь сверхбогатых, на то, как они сколотили свои состояния, как распоряжаются ими и как оценивают легитимность своего богатства, то вы убедитесь, что эти люди очень разные. Это не отменяет того факта, что чрезмерная концентрация богатства представляет угро-

зу для общества: всегда остаются веские аргументы против огромных состояний. Однако признаем, что разнообразие среди сверхбогатых людей важно само по себе. Когда мы перейдем к доводам в пользу лимитаризма (и против него), то увидим, что понимание множественности источников богатства позволяет определить, какие из доводов применимы в каждом конкретном случае (обычно применимо множество аргументов, но не все одновременно – или не все в равной степени). Кроме того, если мы хотим вести политический диалог о чрезмерном богатстве, то не должны заикливаться на какой-то одной группе людей и проецировать выводы на другие группы. Иначе мы превратим в героев или злодеев всех сверхбогатых скопом.

Конечно, их всех объединяет тот факт, что они владеют огромными состояниями и, как мы увидим далее, живут в системе, которая защищает их богатство и позволяет накапливать еще больше. Но чтобы найти объяснение росту неравенства и осознать последствия чрезмерного богатства, нам нужна более полная картина. Итак, кто же все эти люди?

Начнем с жизнеутверждающих историй успеха. Есть небольшая группа мультимиллионеров, которые стали сверхбогатыми наперекор судьбе и считаются живым подтверждением тезиса «добиться успеха может каждый». Возьмем, к примеру, Джоан Роулинг, которая написала свою первую книгу о Гарри Поттере, будучи матерью-одиночкой, живущей на пособие. Успех ее романов и последовавшей за

ними экранизации сделал Роулинг самым продаваемым британским писателем из ныне живущих, а ее состояние оценивается примерно в миллиард фунтов стерлингов. Другой пример – Опра Уинфри, которая выросла в крайней бедности и в детстве неоднократно подвергалась сексуальному насилию. Несмотря на тяжелые ранние годы, ей удалось построить головокружительную карьеру на телевидении, стать одной из самых влиятельных медиаперсон в Америке и оказаться в числе миллиардеров. Но истории Роулинг и Уинфри не должны отвлекать нас от главного: да, некоторым людям удастся разбогатеть вопреки обстоятельствам, но это не значит, что всякий, кто вырос в бедности и нужде, может преуспеть. Совсем наоборот. Крайне редко бывает так, чтобы трудолюбивый и амбициозный человек из низшего или среднего класса стал миллиардером. Большинству остается только мечтать о тех поразительных поворотах, которые произошли в судьбах отдельных людей вроде Джоан Роулинг или Опры Уинфри. Несмотря на подобные исключения, о которых мы так любим говорить, подавляющее большинство представителей низшего класса или нижнего слоя среднего класса не покинут эти классы, как бы ни старались.

Гораздо чаще встречаются «добившиеся всего сами» сверхбогатые бизнесмены, выросшие в семьях из верхнего слоя среднего класса. Как правило, они не наследуют состояние, а начинают карьеру с низкооплачиваемых должностей. В какой-то момент им удастся открыть бизнес на благопри-

ятном рынке. Когда они продают свои компании и отходят от дел (обычно ближе к 50–60 годам), на их счетах оказываются огромные суммы. Некоторые из их компаний со временем становятся весьма и весьма крупными, но многие декамиллионеры не совершают абсурдных поступков вроде покупки *Twitter* или разработки программ космического туризма; эти люди твердо стоят на земле обеими ногами. У нескольких таких бизнесменов я брала интервью. Первые десятилетия своей жизни они ведут обычную жизнь представителей среднего класса, что отчасти объясняет, почему впоследствии им бывает некомфортно обладать огромными суммами. Некоторые из них активно ищут способы раздать эти деньги с пользой для общества. Другие испытывают глубокое чувство неловкости от своего богатства и вступают в политические организации, призывающие к увеличению налогов для сверхбогатых. Среди таких организаций – «Патриотичные миллионеры» в США и Великобритании; *taxmenow*, действующая в немецкоязычных странах Европы; и международная группа «Миллионеры за человечество»¹⁸.

Может показаться, что многие из этих мультимиллионеров и миллиардеров добились всего сами, начав с нуля, почти как Опра. Однако зачастую это не так. Как правило, в развитие их способностей активно вкладывались родители и школьные учителя. Или состоятельные родственники опла-

¹⁸ См. <https://patrioticmillionaires.org>; <https://patrioticmillionaires.uk>; <https://www.taxmenow.eu>; <https://millionairesforhumanity.org>.

чивали им учебу в университете, так что, выходя на рынок труда, они не были обременены огромными долгами. Или же они стали бенефициарами политики, которая дала им преимущество на старте и, возможно, продолжала благоволить их бизнесу впоследствии, когда они уже твердо встали на ноги.

В следующую, более неоднозначную группу сверхбогатых людей входят те, кто не открывал собственный бизнес, а постепенно продвигался по корпоративной лестнице. Они воплощают собой успех и считаются победителями игры в капитализм. Эти люди стоят у руля организаций, которые перераспределяют основные ресурсы по всему миру, производят товары и услуги с учетом потребительского спроса и обеспечивают финансовое благосостояние (клиентов или кого-то еще – это уже другой вопрос; не все, что продается и покупается, повышает наше благосостояние). Возьмем, к примеру, Бена ван Бёрдена, возглавлявшего компанию *Shell* с 2014 по 2022 год. Среди его главных достижений на посту гендиректора, согласно сайту *Shell*, – значительное улучшение финансовых показателей компании, в том числе 65%-ный рост скорректированной прибыли и двукратное увеличение выплат акционерам. Несомненно, он весьма квалифицированный специалист по ведению бизнеса в современном глобализованном капиталистическом мире. В марте 2019 года в Нидерландах разгорелась дискуссия о его доходах, которые выросли с 8,9 миллиона евро в 2017 году до 20,1 миллиона

в 2018-м, то есть до 55 тысяч евро в день. На протяжении большей части лет на посту гендиректора *Shell* он зарабатывал от пяти до восьми миллионов евро в год¹⁹. По голландским меркам это очень высокий доход. Но если бы ван Бёрден сравнил свой заработок с тем, что получают его коллеги на аналогичных постах в Великобритании и США, то справедливо счел бы его довольно скромным. Ведь в 2018 году генеральные директора 350 крупнейших американских компаний зарабатывали в среднем по 14 миллионов долларов – или даже 17,2 миллиона, если учитывать опционы на акции²⁰. Всегда найдется тот, кто зарабатывает больше.

Конечно, есть и еще одна немалая группа сверхбогатых – люди, которые ровным счетом ничего не сделали для того, чтобы заработать свое состояние: они его унаследовали. Начнем с королевских особ. Большинство представителей королевских династий родились в роскоши и получают солидный годовой доход. Например, принц Уильям, который после смерти королевы Елизаветы II стал принцем Уэльским, ныне владеет герцогством стоимостью около милли-

¹⁹ https://www.shell.com/about-us/leadership/executive-committee/ben-van-beurden/_jcr_content/par/textimage.stream/1663219934406/b5668f8ff2c6b5c89158e54cce6d7b3959dce3ba/hell-career-experience-cebb.pdf. Информация о заработке Бена ван Бёрдена за 2018 год: <https://www.rtlnieuws.nl/economie/bedrijven/artikel/4642021/shellceo-krijgt-twee-keer-zoveel-salaris-20-miljoen-vanbeurden>.

²⁰ Lawrence Mishel and Julia Wolfe, 'CEO Compensation Has Grown 940% Since 1978' (Washington, DC: Economic Policy Institute, 2018), <https://www.epi.org/publication/ceo-compensation-2018>.

арда фунтов, а его годовой доход в последнее время превышает 20 миллионов²¹. Однако огромное наследство получают далеко не только монархи. Более половины современных состояний обретоно путем наследования (или серии наследований, как предпочитают говорить некоторые представители сверхбогатых династий). Обладатели таких наследств могут работать, а могут и вообще ничего не делать. Некоторые используют наследство в качестве стартового капитала для открытия собственных компаний, и тогда их состояние складывается из унаследованного богатства и прибыли от бизнеса, но важно понимать, что этот бизнес как минимум родился благодаря первоначальному капиталу. Наследники крупных состояний, разумеется, могут выбрать любую сферу деятельности, но интересно, что существуют характерные для этого класса представления о том, чем им следует и чем не следует заниматься. Один из моих собеседников, общавшийся со многими богатыми финансистами, упомянул, что в кругах европейской элиты молодых женщин поощряют изучать историю искусств, чтобы они профессионально занимались семейной художественной коллекцией, пока их супруги работают в финансовой сфере.

Впрочем, есть люди, которые, унаследовав огромные состояния, приняли решение от них избавиться. Один из при-

²¹ Laura Elston, 'Prince William Inherits £23 Million-Per-Year-Income from Dutchy Estate', Bloomberg, 14 September 2022, <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-09-15/william-s-duchy-finance-team-meeting-after-inheriting-23m-per-year-income>.

меров – американский ученый и активист Чак Коллинз. Он рос в 1960–1970-е годы в пригороде Детройта и своими глазами наблюдал огромную разницу в возможностях, вызванную имущественным неравенством. Он считал несправедливым, что еще при рождении унаследовал трастовый фонд, в то время как другие живут в автофургонах и лезут из кожи вон, чтобы не оказаться на улице. Ему претили увещевания пожилых богачей, которые строго наказывали молодым миллионерам не резать курицу, несущую золотые яйца: то есть не трогать капитал, доставшийся от отца и деда, но позволить ему расти, а самим жить на проценты. В 1985 году, в возрасте 26 лет, Коллинз раздал свое наследство (на тот момент оно составляло 500 тысяч долларов, а к 2016 году, по оценке одного журналиста, могло бы вырасти до семи миллионов). С тех пор он состоит в различных организациях, которые изучают неравенство и информируют общество о его вреде, а также разрабатывают стратегии по борьбе с ним. Коллинз написал и опубликовал несколько книг по этой теме, в том числе одну совместно с Биллом Гейтсом – старшим: в ней авторы призывают не отменять посмертный имущественный налог (*estate tax*) – американский эквивалент налога на наследство²².

²² Willem H. Gates Sr and Chuck Collins, *Wealth and Our Commonwealth: Why America Should Tax Accumulated Fortunes* (Boston: Beacon Press, 2002); Chuck Collins, *99 to 1: How Wealth Inequality is Wrecking the World and What We Can Do About It* (San Francisco: Berrett-Koehler Publishers, 2012); Chuck Collins, *Born on Third Base* (White River Junction, VT: Chelsea Green Publishing, 2016); Chuck

Коллинз не единственный, кто счел необходимым отказаться от унаследованных денег. В Европе один из самых громких голосов против легитимации крупных наследств принадлежит австрийско-немецкой активистке Марлен Энгельхорн. В 2022 году она привлекла всеобщее внимание, признавшись, что десятки миллионов, которые она должна унаследовать от своей бабушки, вызывают у нее дискомфорт. В конце концов, она ничем не заслужила эти деньги. Она объявила журналистам, что раздаст как минимум 90% наследства, хотя в идеале предпочла бы, чтобы оно облагалось высоким налогом (как и состояния других очень богатых людей), поскольку считает, что не ей решать, как именно тратить эти деньги²³.

Взгляды Энгельхорн полностью разделяют члены американской организации *Resource Generation*, основанной на принципах лимитаризма (хотя сама организация не использует этот термин). *Resource Generation* появилась около 25 лет назад как неформальная сеть состоятельных молодых людей, посещавших конференции по благотворительности и чувствовавших разрыв со старшим поколением. Они хотели создать сообщество единомышленников. Однако после

Collins, *Is Inequality in America Irreversible?* (Cambridge: Polity Press, 2018). Рассказ о жизненном выборе Коллинза в молодости и оценку его состояния в пересчете на 2016 год см. в его книге *Born on Third Base*, глава 1.

²³ Emma Bubola, 'She's Inheriting Millions: She Wants Her Wealth Taxed Away', *New York Times*, 21 October, 2022, <https://www.nytimes.com/2022/10/21/world/europe/marlene-engelhorn-wealth-tax.html>. См. также: Engelhorn, Geld.

ряда политических событий, которые обострили присущее американскому обществу системное неравенство, это сообщество превратилось в официальную организацию. Первой поворотной точкой стал финансовый кризис 2008–2009 годов, в результате которого жизни многих простых людей были разрушены из-за рискованных решений финансовых организаций и их безрассудной погони за прибылью. Вскоре после этого в 2011 году возникло движение *Осциру*. Члены *Resource Generation* в знак солидарности присоединились к протесту с плакатами: «Я тот самый 1%, обложите меня налогом». *Resource Generation* стала организацией с членскими взносами, в которую могут вступить состоятельные американцы в возрасте от 18 до 35 лет из числа 10% самых богатых, и сейчас она насчитывает более 1100 членов по всей стране. Организация призывает участников придерживаться среднего уровня жизни – то есть такого, который в идеале должен быть доступен всем, – и постепенно раздавать излишки богатства. При этом рекомендуется поддерживать движения за социальную справедливость и шаги к построению такого общества, где не будет привилегированного класса, имеющего слишком много²⁴.

И наконец, в нашу перепись сверхбогатых мы должны включить тех, чье состояние нажито преступным путем, свя-

²⁴ См. <https://resourcegeneration.org>. В Великобритании родственная ей организация называется Resource Justice, см.: <https://resourcejustice.co.uk>; в Канаде – Resource Movement, см.: <https://www.resourcemovement.org>.

зано с угнетением или эксплуатацией. У этих людей есть огромные яхты, особняки в Лондоне и Берлине, а также второе гражданство – Мальты или других европейских стран.

Все эти люди происходят из разных слоев общества, и суммы на их счетах тоже разные. Объединяет их тот факт, что все они принадлежат к одному проценту людей, обладающих *чрезмерным* богатством. Речь не о просто богатых, а о *сверхбогатых*. Независимо от того, являются ли они наследниками состояний, промышленными магнатами или лидерами клептократий, все они имеют гораздо, гораздо больше, чем им нужно, – и гораздо, гораздо больше, чем они заслуживают. И эта группа отрывается от нас все дальше.

Хотя об этом говорят мало, существует грань между богатыми и сверхбогатыми, и это подтверждают недавние академические исследования. Попытки выяснить, можно ли провести различие между богатыми и сверхбогатыми, предприняли две группы ученых. В Великобритании группа экспертов во главе с социологом Эбигейл Дэвис недавно провела качественное исследование по методу фокус-групп. В этом исследовании шесть групп по десять человек обсуждали вопрос о том, как разграничить разные уровни жизни в Лондоне. Этот город характеризуется одной из самых высоких степеней неравенства в мире: его население состоит как из живущих за чертой бедности, так и из чрезвычайно состоятельных людей. Интересно, что мнения участников по пово-

ду разграничения уровней жизни по большей части совпали²⁵.

Внизу шкалы находятся люди, живущие за чертой бедности (в Великобритании эта черта называется «уровень минимального дохода») и непосредственно возле нее. Далее следуют три группы, которые примерно соответствуют нижнему слою среднего класса, среднему классу и богатым, а возвышается над ними всеми отдельная категория сверхбогатых. Представители нижнего слоя среднего класса чувствуют чуть больше уверенности в завтрашнем дне, чем те, кто живет за чертой бедности или около нее. У них могут быть скромные накопления и какие-то малозатратные хобби. Представители среднего класса ощущают себя более защищенными, у них больше перспектив: как правило, у них есть свой дом (пусть даже купленный в ипотеку), они могут оплачивать услуги по уходу за детьми и заграничный отдых. Богатые могут себе позволить купить дом без ипотеки, а порой владеют недвижимостью и за рубежом. Им по карману услуги частных нянь, садовников, финансовых консультантов, они имеют по несколько машин и совершают солидные инвестиции. Сверхбогатые – известные представители деловых кругов, знаменитости и предприниматели – владе-

²⁵ Abigail Davis, Katharina Hecht, Tania Burchardt, Ian Gough, Donald Hirsch, Karen Rowlingson and Kate Summers, *Living on Different Incomes in London: Can Public Consensus Identify a 'Riches Line'?* (London: Trust for London, 2020). Подробности, приведенные в двух следующих абзацах основного текста книги, тоже взяты из этой публикации.

ют несколькими домами, нанимают целый штат прислуги и при желании могут приобрести частный самолет или яхту.

Многие (хотя и не все) лондонские участники исследования полагали, что те, кого они называли «сверхбогатыми», имеют гораздо больше, чем необходимо для очень хорошей жизни. Некоторые считали, что то же касается и просто «богатых». Однако не все участники соглашались с тем, что если у кого-то денег больше, чем нужно, то излишек следует изъять. В этом вопросе их мнение во многом зависело от того, как именно богатый или сверхбогатый человек нажил свое состояние и делает ли он мир лучше. Миллиардное состояние Джоан Роулинг участники сочли меньшей проблемой, чем сверхбогатство тех, кто «родился с серебряной ложкой во рту».

Второе исследование проводила группа ученых, которую я сама собрала в 2018 году в Утрехтском университете. Мы провели опрос, в ходе которого просили респондентов указать уровень жизни, которому соответствуют описанные нами конкретные ситуации: каким домом владеет семья из четырех человек, есть ли у них второй дом, сколько у них машин и какого типа, как часто они ездят в отпуск, какова сумма их сбережений и инвестиций. Почти все наши респонденты (96,5%) без затруднений провели черту между «богатыми» и «сверхбогатыми». Однако мнения о том, где именно ее проводить, все же разошлись. Примерно половина опрошенных посчитали, что шикарного особняка, скромного второ-

го дома, двух автомобилей класса люкс, трех отпусков в год и 200 тысяч евро сбережений достаточно, чтобы вести очень хорошую жизнь с элементами роскоши. Чуть больше – и вы уже окажетесь за «чертой богатства», среди «сверхбогатых», имеющих намного больше, чем необходимо для высокого уровня жизни. Когда уровень жизни семьи повышался до двух люксовых автомобилей, пяти отпусков в год и миллиона евро сбережений или активов, это признавали сверхбогатством две трети респондентов. Если сбережения и активы семьи достигали 10 миллионов, то сверхбогатой ее считали уже 94% опрошенных. Наша исследовательская группа подсчитала общую денежную стоимость каждого из этих стилей жизни и соответствующих активов. Результаты позволили нам сделать вывод: 83% респондентов считали семью из четырех человек сверхбогатой, если ее общее состояние превышало 2,65 миллиона евро, а при сумме более 4,15 миллиона евро так считало уже 89% участников опроса²⁶.

Опираясь на это исследование, можно заключить, что подавляющее большинство жителей Нидерландов считают, что для очень хорошей жизни достаточно одного миллиона евро на человека (то есть четырех миллионов на семью из четырех человек). Это дает нам один из способов установить *этический* порог богатства – не тот порог, который дол-

²⁶ Ingrid Robeyns, Vincent Buskens, Arnout van de Rijt, Nina Vergeldt and Tanja van der Lippe, 'How Rich is Too Rich? Measuring the Riches Line', *Social Indicators Research* 154 (2021), p. 115–143.

жен вводиться политическим путем, а тот, на который должен ориентироваться любой альтруистичный человек. Беседовавшие со мной английские декамиллионеры, которые решили раздать большую часть своих денег, по сути, пришли к тому же результату: помимо дома, они оставили себе и своим семьям (с двумя или тремя детьми) от двух до четырех миллионов фунтов.

Вопросом о том, где проводить черту, – то есть сколько нужно человеку для очень хорошей жизни, – все чаще задаются не только ученые. Например, «Патриотичные миллионеры» лоббируют повышение налогов для богатых, справедливую оплату труда и равное политическое представительство. Для членства в организации нужно быть «богатым» (а по моим меркам – даже «сверхбогатым»), но где же они сами проводят черту? В США «Патриотичные миллионеры» считают богатыми тех, кто имеет годовой доход не менее одного миллиона долларов и/или активы на сумму от пяти миллионов долларов; родственная им британская организация придерживается тех же критериев. Их предложения по повышению налогов касаются именно этой группы людей. Но Эрика Пейн, президент и основательница американских «Патриотичных миллионеров», подчеркивает: это не значит, что в США люди с меньшим доходом (скажем, порядка 250 тысяч долларов) не должны тоже платить более высокие налоги. Фокус на сверхбогатых не означает, что не нужно повышать налоги для тех, чьи доходы или активы не так огромны,

но все равно гораздо больше, чем нужно для хорошей жизни²⁷.

Итак, мы получили несколько отправных точек для проведения границы между богатыми и сверхбогатыми: от одного миллиона евро на человека в Нидерландах до пяти миллионов долларов в США. Мне слишком хорошо знакома магия таких чисел: все заикливаются на самой сумме, но мало кто задумывается о том, что за ней стоит. Именно так случилось, когда новости о лимитаристском проекте появились в голландских СМИ: в газетных колонках и телевизионных ток-шоу муссировался вопрос о том, не маловата ли озвученная сумма в 2,2 миллиона евро. Ну да, для кого-то и правда маловата. Можно ли считать сверхбогатой семью из четырех человек с активами на 2,2 миллиона евро? Жители Нью-Йорка, Токио или Парижа вполне могут счесть эту сумму неоправданно низкой, поскольку в их городах многие семьи владеют активами – главным образом недвижимостью – на 2,2 миллиона евро, но все равно не могут вести роскошную жизнь, как у сверхбогатых²⁸.

²⁷ Morris Pearl, Erica Payne and the Patriotic Millionaires, *Tax the Rich! How Lies, Loopholes, and Lobbyists make the Rich even Richer* (New York: The New Press, 2021), p. 1–11. См. также: <https://patrioticmillionaires.org/our-values>.

²⁸ Голландский предприниматель и журналист Сандер Схиммелпеннинк предложил проводить границу на уровне 25 миллионов евро, поскольку он считает, что так богатым по-прежнему будет к чему стремиться. Голландский историк и журналист Сандер Хейне предложил провести разграничение по нижней планке состояния 0,1% самых богатых людей мира: в 2021 году она составляла 10 миллионов евро.

Здесь большое значение имеют местные условия. В Нидерландах, где проводилось наше исследование, граждане и постоянные резиденты получают от государства базовую пенсию, примерно равную прожиточному минимуму. Кроме того, работодатели платят пенсионные отчисления за всех сотрудников, даже с неполной занятостью. Поэтому мы не учитывали в исследовании пенсионные накопления. К тому же даже в самых дорогих городах Нидерландов цены на недвижимость ниже, чем в Лондоне или Нью-Йорке. Вот почему разумнее не фокусироваться на конкретных цифрах, а обратить внимание на то, что обычным людям не составляет труда отделить просто богатых от сверхбогатых. Исследования, подобные описанным выше, можно провести где угодно. Целью дискуссий должно стать достижение локального консенсуса по поводу того, что понимать под «уровнем жизни, позволяющим благоденствовать» в местных условиях.

Итак, к чему это нас подводит? Можно сказать, что «черта богатства» обозначает уровень личного состояния, при котором возможно полное благоденствие. За этой чертой дальнейшее увеличение богатства не будет заметно влиять на качество жизни. Решение о том, где проводить черту в денежном выражении, зависит от местных законов и социальных условий. Например, является ли в конкретной стране качественное высшее образование общественным благом, доступным всем, или же частной инвестицией, доступной лишь избранным? От этого во многом зависит то, сколько

денег вам нужно, чтобы перейти из «богатых» в «сверхбогатые». В континентальной Европе год обучения в бакалавриате обычно стоит от 150 до 3000 евро, в Англии – 9250 фунтов стерлингов. В США плата за обучение составляет 50–65 тысяч долларов, а некоторые частные учебные заведения обходятся еще дороже. Если мы не считаем, что высшее образование должно быть привилегией сверхбогатых, то черту богатства в США следует проводить намного выше, чем в Англии, и тем более чем в континентальной Европе.

Отсюда следуют важные выводы: если государство надлежащим образом предоставляет населению необходимые товары и услуги, то семьям требуется гораздо меньше денег на жилье, лечение и образование. Если государство гарантирует гражданам определенную финансовую безопасность, предусматривая пенсионное страхование, пособие по безработице, выплаты по болезни или инвалидности, то им не нужно копить огромные суммы, опасаясь состариться, потерять работу, заболеть или родить ребенка с инвалидностью или хроническими заболеваниями. В стране, где предоставляют все базовые общественные блага и покрываются риски, людям не требуются солидные накопления, чтобы застраховаться от возможных неприятностей. В таком обществе – то есть в государстве всеобщего благосостояния с отлаженной системой социальной защиты – черта богатства будет значительно ниже. Нет нужды копить много денег, когда система

социальной защиты работает должным образом²⁹

²⁹ Канадский политический философ Джозеф Хит считает, что, хотя необходимость государства всеобщего благосостояния и институтов социальной защиты часто обосновывают принципами справедливости, солидарности и удовлетворения всех базовых потребностей, ее также можно обосновать соображениями эффективности, то есть вполне корыстными соображениями. Joseph Heath, 'The Benefits of Cooperation', *Philosophy & Public Affairs* 34:4 (2006), p. 313–351.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.